

ЭЙДОС ПРЕДПРИИМЧИВОСТИ

Из беседы с Олегом Генисаретским

Олег Генисаретский: *Наивный социализм исходил из убеждения, что труд как деятельность первичен, он заложен в человеческой природе, в то время как капитал – паразитарен. Что происходит с трудом при переходе к постиндустриальному предпринимательству?*

Сергей Чернышев: У К. Маркса есть развилка, где он пишет, что и труд, и капитал – это две предельных абстракции, каждая из которых является жертвой отчуждения. В этом смысле капиталист, так же как и рабочий, страдает от отчуждения. Далее с трудом и капиталом происходит ровно то же, что и с деятельностью. Они достигают предельной абстракции: все равно на каком заводе вкалывать, и где гайки заворачивать – от этого ничего не зависит ни в организации, ни в деятельности. И точно так же все равно инвестору, потому что инвестирование долысело до предельной абстрактности: все равно во что инвестировать, и в этом смысле инвестор – раб циклических кризисов в такой же степени, как и рабочий. А дальше начинается зазеркалье по Н. А. Бердяеву, появляются черты содержательности: исчезают абстрактные рабочие и абстрактные капиталисты. На месте абстрактного капиталиста появляется инвестиционный банкир, который вместо того, чтобы абстрактно инвестировать, инвестирует в схему, которую сам же и строит. Абстрактный рабочий также инвестирует свой труд в схему, которую сам строит своей деятельностью – то есть превращается в абстрактного предпринимателя.

Фактически исчезает работа: исчезает труд как историческая абстракция. В наших условиях – труд пока находится в ранней фазе исчезновения.

Естественно, эту тенденцию нельзя расширить до повсеместной, это скорее тенденция современности. Мы попадаем в два встречных потока. В одном потоке еще не избытка карма, при которой еще только предстоит абстрагировать деятельность до труда (и в этой старой тенденции, которая еще жива, меня выкидывают из моей несчастной деревни в какой-нибудь Африке, где я жил в традиционном укладе и мне еще только предстоит стать корпоративным башмачником, а затем – абстрактным рабочим). А в другом потоке, который идет сквозь нас, все развивается ровно наоборот: абстрактный рабочий становится все более содержательным. Человек становится сам себе предприниматель, сам в себя инвестирует и сам для себя реализует проект.

ОГ: *Но он не сам для себя пролетарий.*

СЧ: Он сам себе пролетарий – это классическая форма самоэксплуатации, и одна из форм первоначального накопления. Кстати, разделение на две эти роли (пролетарий и предприниматель) – тоже предельная абстракция.

Не различается активность инвестиционного банкира и активность проектного предпринимателя: в первом случае у вас есть капитал в виде *денег* и еще что-то, в другом случае у вас есть капитал *труда* и еще что-то. Вся суть в этом «что-то». Это «что-то» и есть способность строить схемы. В случае с предпринимателем способность строить схемы становится важнее других ресурсов, ресурсы капитала и ресурсы труда становятся однопорядковыми, определяющей является компетенция строить схемы.

Проблема в том, что при переходе в схемный уровень движение происходит сверху вниз: от экономического этажа, через организационный в технологический – и человеческий, живой труд из этих пластов вытесняется. Только вытесняется не абстрактно (сначала из технологического пласта, а потом все выше и выше), а сначала живой труд вытесняется из экономического уровня, а потом из более низких уровней. Сначала компьютеризируется труд бухгалтера, потом начнет вытесняться труд организатора производства, по той банальной причине, что современные системы типа ARIS и SAP – содержат в себе всю эту логику как стационарный блок, люди

здесь не нужны. Потом только дело дойдет до технологии, потому что сложнее всего сделать робота, который сможет создавать, например, шины и при этом не ломать их.

ОГ: *Произошел поворот, который историософски квалифицируется как поворот от самоценности совершенства к самоценности развития, а развитие редуцируется к прогрессу. В чем, по-вашему, сохраняется самоценность совершенства?*

СЧ: Для меня тема развития вообще очень болезненна, потому что куча народу изображают себя субъектами развития (гуманитарные технологи, например, или методологи). По моему разумению, субъект развития один (в этом смысле я согласен с Гегелем). Развитие трансцендентно, оно проявляется в реальности как мысль, которая не вполне от нас зависит. Мы мыслим только оттого, что нам это позволяют, через благодать. Поэтому социальные субъекты развития невозможны. Те же, кто называет себя развивальщиками, проявляют либо гордыню, либо безграмотность.

Что касается того, как концепт развития пересекается с концептом совершенства: поскольку я как мыслящее существо весьма ограничено, то я схватываю происходящее в таких классификациях, в которых непрерывное и дискретное – это две стороны одного и того же. В этой классификации все поле человеческой деятельности дискретно, оно разбито на ячейки, клеточки, и каждой из этих клеточек соответствует некий *эйдос*. Когда я нахожусь в некой клеточке, для меня эйдос этой деятельности представляет собой некий недостижимый образец. И есть недостижимое совершенствование вглубь клеточки на пути все большего соответствия этому образцу. А есть развитие такое, что я бросаю эту деятельность и перепрыгиваю в другую клетку. Для меня развитие связано с тенденцией, заданной на поле деятельности: побыв субъектом одной деятельности, я перескакиваю на другую. А совершенствование связано с движением вглубь к недостижимому образцу. Обе тенденции являются равно необходимыми.

Я могу выразить эти различия проектно. Человек сам для себя должен выбрать границу, и внутри этой границы для него открывается глубина, которую он может рассматривать в метафоре развития, и это будет являться развитием. Математически это имеет совершенно ясное выражение, только оно не имеет ясных аналогов в повседневной жизни.

Говорить, объяснять, помогать имеет смысл только тем субъектам, которые берут на себя ответственность за целое (в меру своего понимания этого целого): за территорию, за регион, за завод или за самих себя. У них есть три сферы забот. Во-первых, это целостность. То есть, на словах взяв на себя ответственность, нужно иметь целостное видение того института или территории, за которые я эту ответственность беру. Это очень важно. Я считаю, что часть существующих сегодня хозяйственных субъектов не знает, а часть не хочет знать того целого, за которое отвечает. Например, Михаил Сергеевич не ведал про многие части общества, которое подрядился перестраивать. Но после публичного признания Андропова в своем неведении, оно уже не может ни для кого служить оправданием.

ОГ: *Значит, каждый должен уметь знать?*

СЧ: Автомобилист может быть безграмотным, но интуитивно он должен чувствовать, что у него есть карбюратор. Не важно, на основе знаний, интуиции или опыта, но должно быть целостное видение. А второе и третье – это те две стороны, о которых мы говорили, совершенствование и развитие. Внутри каждой из компетенций необходим акцент и занятие совершенствованием, то есть должны быть явлены образцы. Надо, чтобы нас учили соответствовать этим образцам, стимулировали, чтобы была экспертиза, сетка квалификации, оценочная сетка, насколько я соответствую образцу. И если этого нет, то совершенствования как постоянной деятельности субъекта не будет. А третье – это развитие. Если однажды появляется автомобиль с передней подвеской, выясняется, что как бы я старательно не ремонтировал свое авто, как бы я его не совершенствовал, увы, я должен сменить свой экипаж. Тогда возникает проблема новой компетенции и ее вмонтирования в сетку старых.